

НОВАЯ ПРОЗА

САЛАМ ТЕБЕ, ДАЛГАТ! СТРАННЫЕ СКАЗКИ

Алиса Ганиева

издательский дом

Выбор Сенчина

Алиса Ганиева

Салам тебе, Далгат!
Странные сказки

«Издательские решения»

Ганиева А.

Салам тебе, Далгат! Странные сказки / А. Ганиева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853362-4

«Салам тебе, Далгат!» — колоритная, яркая повесть-зарисовка о современной Махачкале. Пестром, шумном и беспокойном городе. Вместе с подростком Далгатом мы гуляем по улицам, заходим в дома и учреждения... Язык повести, местами смешной и неправильный, тот самый русский язык, на каком общается между собой многонациональное население Дагестана. Контрапункт «Странных сказок», по словам критика Елены Погорелой, — «столкновение заведенного порядка и инородной сущности, враждебного колдовского начала».

ISBN 978-5-44-853362-4

© Ганиева А.
© Издательские решения

Содержание

Салам тебе, Далгат!	6
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Салам тебе, Далгат! Странные сказки

Алиса Ганиева

Издательский дом «Выбор Сенчина»

© Алиса Ганиева, 2017

ISBN 978-5-4485-3362-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Салам тебе, Далгат!

Повесть

1

Сразу попав в тесноту, Далгат почувствовал себя плохо, но спасали обступающие навесы. Сначала его как будто охватили стиральные порошки, куски хозяйственного мыла, выжигающие глаза солнечным отсветом щетки для посуды из проволоки, шампуни, резинки для волос, целлофановые пакеты с хной и басмой, лавровые веники. Потом неожиданно и пестро, со всех сторон нависли бюстгальтеры с гигантскими чашечками, ворохи разноцветного, дешевого на вид женского белья, два раза Далгата сильно защемило двумя крупными женщинами, выбиравшими себе что-то в проходе. Торговка лет сорока, с золотым зубом, взмахнула красными панталонами перед его лицом: «Молодой человек, купи себе – не пожалеешь» и затряслась от смеха. Соседки шумно захохотали вслед.

Вырвавшись из тесных рядов, Далгат оказался снова на ярком солнце и тут же, вылетев, дребезжа, из-за поворота, его чуть не сбила грязная железная тележка, которую быстро гнал перед собой неопрятно одетый человек. «Расходись, расходись» – кричал он низким и грубым голосом, который перекрывался из динамиков криком местной мегазвезды. «Бери, хорошие, женщина, очень хорошие» – захлебываясь, нарастало со всех сторон. Черные от загара, измученные торговлей под жарящим солнцем, прикрываясь от неба кусками картонки, тут и там сидели и стояли торговцы. Кое-где попадались мужчины, спрятавшиеся в тени камазов, а из кузовов скатывались спелые и тяжелые арбузы и дыни. «Сладкий абрикос» читал Далгат пьяными глазами.

Красными горками лезла в глаза малина, рванными бумажными обертками лежал зеленый молодой фундук, солдатскими отрядами громоздились лихо уложенные пирамидки оранжевой хурмы, груш, яблок, помидоров, тут же рядом, стручки фасоли, крупные, мелкие, продолговатые, фиолетовые, зеленые и почти красные виноградные кисти. Ходил, зачем-то неся длинную плетть, усатый сборщик налогов.

Рядом с товаром, выведенные на куске бумаги шариковой ручкой, лепились названия сел, откуда их привезли: «Гергебиль», «Ботлих», «Ахты»... Под прилавками, между раздавленными гранатами и персиками ползли полуслепые и блохастые котята. Распаренные и утомленные, с возбужденно бегающими глазами, вокруг двигались люди. Осторожные старушки с аккуратными хвостиками, утомленные девушки в блестящих вечерних платьях, на каблуках и с ведрами огурцов в руках, парни в спортивках, дамы с вуалетками. «Бери, парень, зелень, бери! Петрушка, кинза, укроп! Все свежий!», «Парень, смотри какая картошка, хорошая, не червивая, взвесить тебе?», «Подходи, откуси абрикос, на, пробуй», «Возьми тоже на пробу, парень, яблоки сочные, не кислые». Впереди, преграждая Далгату путь, шла слегка разболтанная женщина в соломенной шляпе.

– Женщина, какая шляпа у тебя, дай примерю – пристала к ней продавщица морковки.

Схватила тут же шляпу, надела на неухоженную голову, стала вертеться, соседки подошли, стали завязывать ей завязки. Хозяйка шляпы растерянно тянула к ним руки. Созерцательно и добро улыбающийся торговец, выплюнул разжеванную веточку, закричал через проход:

– Забери у нее свою шапку, женщина, у нее руки грязные, запачкает тебе все!

Далгат прошел мимо и свернул в пахнущий кровью, но темный и прохладный мясной павильон, где с потолка нависали длинные телячьи, бараньи и прочие туши, где тут и там работал ловко и споро топор. «Бери, молодой человек, отличная баранина», «Куры берем, куры берем». В рыбном отделе трепетали еще живые рыбы, ловя последний воздух большими

губами, торговки живо обрабатывали и чистили, блестела чешуя. Мужчина в грязном синем фартуке бил большую рыбу головой о прилавок.

Впереди, мельком, – знакомый полупрофиль, длинная, толстая, рыжая, почти до колен коса. Сакина шла, чуть отставая от матери, косясь на прилавки, в белых костлявых пальцах висели пакеты с мясом, на пакетах – смуглая женщина с курчавыми волосами и красные латинские буквы. Далгату живо захотелось схватить у мясника нож, пойти вприпрыжку следом, а потом, не давая обернуться, грязным, испачканным кровью ножом, отрезать толстую косу, чтобы девушка кричала, плакала, чтобы собралась круглоротая, любопытствующая толпа. Желание было неодолимым. Далгат даже представил, как повернется ее сухая, с хронически синими веками мама, как почернеет от гнева и удивления.

Сакина пробиралась к бело-прямоугольному, слепящему солнцем выходу, из тени на жару, мыслей в голове практически не было. Вчера ходила к портнихе шить юбку, портниха удивлялась, что она не красится. «А почему не красишься? Ну, когда нежарко, наверное, да? Чуть-чуть?». Потом рассказывала о жене своего брата, который не послушался советов родственников, женился на девушке другой национальности, а та, лентяйка и хамка, лежит беременным животом кверху, мажет крем от растяжек, делает маникюр, по хозяйству и не пошевелится. «И страшная она, я тебе говорю – твердила портниха – и волос у нее на теле много, даже на спине растут. Я ей говорю, иди к эндокринологу, а она, такая, иди лучше своему сыну сопلي подотри! Не, скажи, наглость же, да?». Юбка вышла совершенно возмутительной и разьежалась по швам.

Сакина была его однокурсницей. Далгат неумело преследовал ее любовными записками, и, получив в ответ лишь издевательства, быстро возненавидел. Увидев Сакину на базаре, он почувствовал, как начинает злиться и краснеть. Чтобы успокоиться, Далгат быстро прошел рыночные закоулки с квохчущей живой птицей и козами, и сунулся в исламский магазинчик, тесный как конура, полный мелодичных молитвенных песнопений на арабском, звучащих из приемника. Раздвинув бренчащие ряды четок, выглянула старая продавщица. Далгат делала вид, что с интересом разглядывает литературу, амулеты, тибетейки. Там были часы, указывающие время намаза и направление Киблы, электронные четки, сурьма и капсулы с маслом черного тмина. Чтобы не выходить с пустыми руками, Далгат заплатил тридцать рублей и купил корень дерева Арак, которым чистят зубы.

На улице он снова впал в оцепенение. Стали вспоминаться ежевечерние религиозные передачи, которые вел безграмотный и косноязычный алим, носящий духовное звание. Вот молодой муфтий был умен и образован, но его убили. На передачах этих говорили о джиннах и сурах, о том, что можно и о том, чего нельзя. Звонили в студию. Один мужчина спрашивал, допускается ли, ложась спать, поворачиваться спиной к Корану. Девушка интересовалась, в какой цвет по шариату можно красить ногти.

– Салам, Далгат, движения не движения? – путь Далгату преградил улыбающийся до ушей одноклассник с поломанным ухом.

– А, салам, Мага, как дела?

– По кайфу, же есть. Трубка с собой у тебя?

– Да – отвечал Далгат, нащупывая в кармане мобильник.

– Ты не обессудь, особо копейки тоже нету, надо кентам позвонить, там этот, с Альбурикента один аташка бычиться начал. Раз стоим, он обостряет. Я его нежданул, он по мелочи потерялся. Бах-бух, зарубились мы с ним, короче. Я его на обратку кинул и поломал, короче. Теперь он со своими на стрелку забил буцкаться, и мне *джамаат*¹ собрать надо.

Говоря с Далгатом, Мага взял у него включенный телефон, что-то высказал по поводу его модели и мощности и вдруг завопил в трубку.

¹ Общество (араб).

– Ле², Мурад, салам! Это Мага. Че ты, как ты? Папа-мама, брат-сеструха? Я че звоню, этот черт же есть, который Исашки брат! Махаться хочет! Ты сейчас где? Давай да подъезжай на 26³, кувыркнем их. Я его выстегну! Братуху тоже позови и Шапишку. Пусть приходят. Давай, Саул тебе! На связи тогда!

Мага нажал на отбой и начал мять какие-то кнопки.

– Чиксы есть у тебя здесь?

– Нет, новая трубка.

– Мага взгляделся в Далгата, широко обнажив здоровые зубы в улыбке.

– Ле, че ты, как дохлик? На качалку не бывает? – восклицал Мага, дружески стучая Далгата по спине и плечам. – Садись со мной, мне пахан тачку отдал, с пацанами пять на пять выскочим, потом по Ленина вверх-вниз прокатимся.

– Мне тут рядом надо – говорил Далгат, идя за Магой к новенькой иномарке – подкинешь меня?

– Базара нет. – улыбался Мага.

Когда они сели, машину обступили узбекские дервиши-попрошайки, до того сидевшие на тротуаре, поедая перепавший им откуда-то арбуз.

– Садаха, садаха – ныли смуглые дети-оборванцы, протягивая грязные руки сквозь раскрытые окна автомобиля.

– Э! – заорал Мага мамаше-узбечке – забери да их отсюда!

– Садаха давай, садаха, ради Аллаха – упрямо заныла узбечка, отвлекаясь от арбуза.

– Ё⁴, ты меня богаче, же есть – заорал Мага и, повернувшись к Далгату, сообщил – жируют здесь. Хлеба не возьмет она, только деньги ей давай!

Узбечка, будто услышав эти слова, встала и протянула:

– Хлеба дай, съедим, съедим, Аллах вора побьет, мы не воры...

Но Мага, уже никого не слушал, и, неожиданно дав по газам, помчался вперед, сквозь беспорядочный дорожный поток, совершенно не замечая светофоров. Они мигом оказались на повороте, где машина с визгом повернула налево и выехала на встречную полосу, игнорируя свист гаишника.

– Свистят – заметил Далгат, вцепившись в сидение.

– А, ниче не станет, мой пахан их всех сделает – сказал Мага, не сбавляя хода и роясь одной рукой в музыкальных дисках.

Улица огласилась вокалом аварской певицы.

– Ай, лазат! – воскликнул Мага, улыбаясь Далгату.

Вдруг машина с визгом остановилась, и Мага, спустив окно, стал перекрикивать музыку.

– Девушки, девушки, подвезти не надо вас?

Мимо медленно шла группа эффектных девушек в броской одежде, блестящих туфлях и с отутюженными стрижками.

– Э, вы че, глухие что ли, тормозите да! – кричал Мага.

– Нам не по дороге – смеясь ответила одна из девушек, вальяжно поправляя волосы.

– Поехали, Мага – сказал Далгат, вспоминая Сакину.

– Еще увидимся! – пообещал Мага девушкам и снова завел машину.

– Раз едем с Нуриком мимо Анжи-базара, две кентухи идут – говорил он Далгату, чуть убавив надрывающуюся певицу – то, се, полчаса за ними ехали, потом одна другой говорит, типа сядем же есть, нормальные пацаны, нас довезут.

– И чего? – спросил Далгат.

² Обращение к мужчине (авар.)

³ Улица 26 бакинских комиссаров в Махачкале.

⁴ Обращение к женщине (авар.)

– До Манаса доехали, на пляже песок грамотный. Купаться их зовем. Эти курицы начали бычиться, Нурик одну схватил, она возникать стала. Нурик ей орет, мол, своим ротом нормально разговаривай, она орет типа братуху позовет. Бувахаха! – засмеялся Мага.

– Ну, чем закончилось? – спросил Далгат.

– Ну так, по мелочи движения сделали. Нурику лешка досталась, а у меня чикса-бикса такая была. Покурить им дали тоже. Они сначала возникали, потом как стали ха-ха ловить. Я одну узнал, она с Идриса двора, теперь ее там пацаны не оставляют – смеялся Мага – а тебе покурить достать не надо?

– Нет, *баркалла*⁵ – отвечал Далгат – здесь останови.

Далгат вылез из автомобиля в одной из глухих улочек.

– Ле, нормально веди себя, да – вылез за ним насупленный Мага.

Далгат, почувствовав, что поступает не правильно, протянул руку для салама. Мага взял его руку и полушутливо-полусерьезно сделал неуловимое движение, положил Далгата на лопатки, прямо на асфальт.

– Ле, че ты слабак такой. Не знаешь? Даги – сила! – снова развеселился Мага.

– Кто не с нами, тот под нами. – улыбнулся Далгат, вставая и отряхиваясь, – Хорошо, что подвез. Удачи!.

– Ехал я, не теряйся! Крикнул напоследок Мага. Эстрадная песня с бухающей аранжировкой рвала Далгату барабанные перепонки. Автомобиль, подпрыгивая на ухабах, скрылся из виду.

2

Оставшись один без Маги, Далгат стал вспоминать, который из беспорядочно наклепленных друг на друга домов принадлежит Халилбеку. Глиняные хаты чередовались с особняками, большей частью еще не достроенными. На тротуаре тут и там лежал строительный песок, щебень и кучи мусора, а по грязной проезжей улице бегали дети в рваных трусах и с болтающимися на шее амулетами в виде кожаных треугольников.

У ворот с надписью «Ахвах – сила» болтали женщины в дешевых платках и байковых халатах. Осмотрев Далгата с ног до головы, закричали:

– Кого ищешь, парень?

– Халилбека дом! – закричал в ответ Далгат.

– Вон угол же есть? Туда прямо иди, там красный кирпич будет. Дома они.

Пройдя несколько шагов до угла, Далгат заметил шпану, сидящую на корточках вдоль обочины. Их было пять или шесть, и все сплевывали под ноги. Завидев худосочного незнакомца, группа оживилась.

– Ле, салам не бывает? – спросил рыжий, в красных шортах, окликаая Далгата.

– Ассалам алейкум – сказал Далгат, приблизясь и протягивая им руку, как можно небрежнее.

– Трубка есть поиграться? – спросил рыжий, шлепая его по ладони, но не вставая.

– Нету трубки, в ремонте.

– За слона отвечаю, есть у него – встрял другой охломон, выгребая из кармана семечки и лениво шурясь на солнце.

– Эээ – возмутился рыжий – ты че там мутишь, *маймун*⁶? Трубку дай, я сказал!

– Не дам – не сдавался Далгат, решив стоять до конца – Я братуху сейчас позову.

– Я твоего братухи мир топтал! – взвился рыжий – Че стало, ле?

– Ниче не стало! – выдал Далгат.

⁵ Спасибо (авар.)

⁶ Обезьяна (тюрк.)

– Э, Ибрашка, скажи да ему – рыжий, кажется, был возмущен до предела.
– Суету не наводи да здесь – сказал Ибрашка, угрожающе вставая и показывая резиновые тапочки на босу ногу – че за хипиш?

И внезапно заломил Далгату руки.

– Ты с ним бакланиться будешь? – спросил кто-то из компании.

– Да я ему пощак с ноги дам!!! – сплюнул Ибрашка и задергал Далгата в разные стороны.

Его еще не били, но уже тормозили, обступая со всех сторон, и мешая друг другу. Упорней всего прорывался рыжий.

– Ты че понтуешься? – хрипел он Далгату, тыча ему в лоб здоровую пятерню.

Сзади послышался мальчишеский крик «Махня!», и Далгат увидел, как зеваки бегут к ним с соседних улиц. Бросились разнимать. У Далгата упала кожаная папка, и кто-то наступил на нее кроссовкой. Какой-то лех в спортивных с важно-серьезным лицом пытался расцепить Далгата и рыжего. Рыжий толкнул леха локтем в нос, за что получил «нежданчик» по ребрам. В шуме и гвалте кто-то закричал:

– *Сабур*⁷, пацаны, это Хаджика Белого брат!

Далгат почувствовал, как толпа слегка расступилась, а потом увидел самого Хаджика, сына Халилбека, и двух его приятелей. Тот, что слева, держал напоказ дорогой телефон, в котором что-то урчало. Хаджик был накачен и выглядел модно. Светлые волосы слегка отпущены на затылке, на ногах – отполированные лакские туфли с цепочкой.

– Ле, вы че моего братуху обижаете? Че за непонятки? – бросил он толпе.

– Это Русик на него наезжал – рассерженно заорал кто-то высоким голосом.

– А че я? За родные слова отвечаю, я ему слова не сказал. Трубку попросил, он быковать начал, а потом на измены сел! – закричал Русик, подтягивая красные шорты – Э, пацанчик, нормально делай, нормально будет, понял да?

Он обхватил Далгата своей толстой рукой, как бы показывая, что они друзья.

Далгат вырвался, поднял пыльную, со следами чьих-то ног папку и пошел к Хаджику.

– Э, ты че кисляки мочишь, хайван⁸! – заорал ему рыжий.

– Ты че сказал? – нахмурился Хаджик, нащупывая что-то в кармане.

– Я че, я ниче – зарядил рыжий.

– Будешь еще возникать, я тебя в натуре выстегну – погрозил Хаджик, оставив карман в покое, и отвел Далгата в сторону черных ворот, за которыми виделся краснокирпичный домик.

– Что, уронил тебя этот бык? – спросил Хаджик – Ты с ними не связывайся. Этот Русик – вообще камень.

– Уезжаешь сейчас? – спросил Далгат.

– С пацанами по городу проедемся, ты в дом заходи, Арип тоже дома. Цинкани, если чо, я тебя подвезу, куда надо.

– Баркалла – сказал Далгат, прощаясь с Хаджиком за руку.

– Проблемы будут – обращайся.

Хаджик, пошел к друзьям, бросив крепкое словцо в сторону расходящегося сборища. Все трое сели в иномарку и рванули за угол, оставляя клуб пыли.

3

Далгат поспешно зашел в ворота и оказался в маленьком внутреннем дворе с торчащим из земли краном около небольшого двухэтажного строения. Второй этаж был не доделан и пах известкой. Из дома вышла тетя Наида и подошла обниматься.

⁷ Спокойствие (араб.)

⁸ Скотина (араб.)

– Вай, Далгат! Где был? Что такой помятый? Как мама? Заходи, сейчас хинкал будет.

На стене комнаты, под лепным потолком, висел ковер с вытканым портретом имама Шамиля в папахе. Под ним, на диване, обложенном декоративными подушками, сидел тяжелобровый Арип, старший брат Хаджика. На голове Арипа торчала темно-синяя тибетейка, вышитая золотом.

– Где тебе футболку растянули? – спросил он, здороваясь с Далгатом.

– А, здесь, приставать начали у вашего дома, Хаджик мне помог.

– Куда он поехал снова?

– По городу, говорит, прокатится.

– В ад он прокатится – хмыкнул Арип – сколько я ему говорю, не ездь с этими шакалами, а он хай-хуй поднимет и едет на движения... Ты, Далгат, не начал еще молиться?

Далгат тяжело вздохнул.

– Я же тебе говорил... – начал Далгат.

– Ты сюда слушай, я тебе всю дорогу говорю, чтобы ты молиться стал, ты же меня не чувствуешь? – нагнулся к нему Арип.

– Я...

– Вот ты этих аташек видел у ворот? Хажи, машалла, траву не пробует, а то я его поломаю. А эти ослы мажут, или просто сидят, бакланяться или к девушкам пристают полуголым. Куда катится этот кяфирский мир, скажи? Клубы здесь понастроили, дискотеки, женщины посмотри, как ходят! Это что такое? Если бы у нас шариат был, этого наджаса бы не было здесь, скажи?

– Бесполезно с тобой говорить, Арип – снова вздохнул Далгат.

– Мой долг тебя наставить. Совершающий получает вознаграждение, оставляющий получает наказание. Из одного хадиса мы знаем, что человек будет 70 лет лететь ко дну ада лишь за одно неправильное слово, а что говорить за наказание про дела?

– Я не верю в сказки про Пророка. – сказал Далгат.

– А ты знаешь, что было с одним мужчиной, который был коммунистом, а потом поверил? Он очень молиться стал, его все мавлиды петь звали. Он очень хорошо мавлиды пел. И, раз, один день ему говорят, ле, у нас родственник умер, приезжай в Буйнакск на мавлид. А другие говорят, нашему сыну *сунат*⁹ сделали, приезжай в Дербент на мавлид. И он, это, в один день был одновременно и в Буйнакске, и в Дербенте.

– А как узнали?

– Как узнали... Друг другу звонят: Салам – салам. Один говорит, у нас тут в Буйнакске Надыр зикр читает, а другой говорит – нет у нас он, в Дербенте... Клянусь! – говорил Арип. – А про имя Аллаха на помидорах знаешь?

– Нет.

Арип достал свой распашной мобильный и, чем-то щелкнув, показал Далгату экран, в котором крупным планом изображался помидор без кожуры. Белые прожилки на помидоре изгибались в некое подобие арабской вязи.

– Видишь? – сказал Арип, торжествуя – здесь написано «Аллах». Этот помидор у праведных людей вырос.

– Фотошоп – бросил Далгат.

– Какой фотошоп! – взвился Арип, вынырнув из спокойствия – я тебе говорю, настоящие помидоры, ле! А про человека, который молитвы слышал, знаешь?

Далгат махнул рукой.

– Нет, слушай, мы знаем, что все – и животные, и растения, каждый день воздают хвалу Всевышнему и этот человек, моего друга земляк он, стал слышать, как животные и растения

⁹ Обряд обрезания (араб)

говорят «Лаиллааиллала». Он спать не мог, жесть, и поехал к Саиду Апанди в Чиркей, и тот ему сказал, что это великий дар. Но этому человеку трудно было жить с даром, и он попросил Апанди снять этот дар... Много, много доказательств есть. Тот американец-космонавт, который в космосе был, он азан слышал. Все это знают!

– Арип, дураки говорят, а ты веришь...

– Ты Камиля знаешь с Изберга? – перебил Арип.

– Знаю и что?

– Вот он дурак. Из-за таких, как он, ислам не любят. Он за джихад говорит, только все неправильно. Фетвы мне по аське присылал. Я ему говорю, ле, Камиль, вставай на верный путь, ты что? Тебе голову задурили, о матери подумай своей! Не послушал он никого, в лес ушел. Все грехи, говорит, сауны, взятки, туда-сюда, от России, надо шариат сделать и неверных убивать.

– Ты тоже так думаешь? – спросил Далгат.

– Про шариат они правильно говорят, но с Россией надо быть, харам от нашей верхушки идет. Верхушку надо поменять. А то одну нацию поставят же есть, и начинают воровать от души. А если голову отрубить за каждую взятку, не брали бы.

– Вот ты их поучи сначала морали – сказал Далгат – или они лучше меня, раз намаз делают и в хадж за товаром ездят?

– По ним не суди!.. Если какие-то мануфики намаз делают, потом грабят, это не значит, что ты не должен намаз делать. К шейху сходи, он тебе все объяснит.

– А Камиля что к шейху не послал?

– Камиль уже все, пропал он. Ничего не читал по исламу, ничего не знал, только всех кяфирами обзывал. У них в семье копейки тоже не было, они, за сестру в вуз на лапу всем тухумом собирали. Вот он стал вахов слушать. А вахи – они же не истинные моджахеды, у них ислам неправильный. За то, что невинных людей убиваешь, в рай не попадешь. Вот таких, как Камиль, молодых, на смерть ведут. Это Америка им деньги дает, чтобы они наших пацанов убивали и против России войну делали! Они шейхов отрицают, мавлиды, святые места, уставов... Все отрицают! Только чужими руками убивать хотят!

– Войска бы только не пришли сюда – сказал Далгат.

– Вай, не говори! Еще хуже будет! – воскликнул Арип – отвечаю, каша будет здесь! КТО знаешь, как у нас проходит? Раз, Осман звонит мне, типа приезжай на Батырая, такой базар здесь. А пробки же есть же, я ехать не успеваю, кричу ему, типа, че тама, че тама. Осман говорит, здесь в квартире, говорит, операция была, никого не разогнали, трупы при всех вынесли, машины стоят, кругом хай-хуй, людей полно. Тела боевиков на улице лежат. Один вах еще жив был, сразу его автоматом сделали, спецназ трупы добил, потом начал народ разгонять. По машинам бьют, на людей наезжают. У Османа друга вмятина осталась на капоте. Че за беспредел, скажи? Одного хотя бы ваха оставили бы, им что, информация не нужна что ли? Народ че заранее не убрали оттуда? Хампец нам будет, если этому спецназу волю дать, отвечаю.

– И наши менты не лучше – начал Далгат.

– Наш сосед же есть, Джамалудин, 90 лет ему, в больнице операцию ему сделали, и внук у него, короче, Муса, грамотный пацан. Всегда нашей матушке сумке таскал с базара. И это, раз, приходят к нему в масках. Обыск, туда-сюда. Почему, зачем – молчат, ордер не показывают. Уехали и Мусу с собой забрали. После этого паспорта пропали, деньги пропали, у старика тоже. И это, не отпускают Мусу ни в какую. Его отец в ментуру пришел, там ему начальник ОВД говорит, мол, клянусь Аллахом, сына вашего не тронут, уходите. Врал он. Они Мусу подряд ночами избивали, душили, током били, зубы рвали, заставляли признания делать, что он вах. Адвоката к нему не пускали. Потом из спецназа трое взяли, увезли его на трассу, там избивали тоже, оскорбляли, туда-сюда. Отец его потом узнать не мог. Две недели пацан раненый в камере лежал у этих хайванов. Далгат, ты скажи, их как после этого оставлять?

Далгат сидел подавленный и молчал.

Тетя Наида внесла пышный аварский хинкал, куски сушеного мяса, творог с чесноком, аджику и черный урбеч из льняных семян. Села в кресло, обтянутое цветастым покрывалом, подобрала валяющийся в кресле пульт.

– Что, Арип – сказала тетя Наида – телевизор можно включить?

– Включай, что спрашиваешь – отвечал Арип, прошептав обычное перед едой «бисмиля».

Далгат понял, что голоден и принялся быстро обмакивать куски теста в соусе.

Пощелкав стертыми кнопками, тетя Наида попала на какой-то дагестанский клип. Восходящая звезда даргинской эстрады крутила бедрами и пела про красивые улицы Махачкалы, по которым ходит ее любимый.

– *Нах босе!*¹⁰ – бросил Арип, вгрызаясь в кусок мяса.

Певица убралась, и на экране показались мэр и смятые лица чиновников. Кого-то отчитывали за очередной сбой подачи электроэнергии и воды, кого-то за горящие мусорные баки. Мэр был грозен, чиновники трусили.

– У вас есть вода, Далгат? – спросила тетя Наида.

– Не знаю, домой не забежал еще.

– У нас месяц не было, потом только горячая пошла, нам Сохраб от себя канистры возил.

– А дядя Халилбек скоро придет? – спросил Далгат – мне нужно ему одну папку передать.

– Ты лучше ему сам передай – сказала тетя Наида – он сейчас в республиканской библиотеке должен быть, там какую-то книжку презентуют, я слышала.

– Со двора послышалась громкая музыка.

– Хажи! – закричала тетя Наида.

– *Я!*¹¹ – раздался голос Хаджика.

– Кушать иди!

В комнату зашел веселый Хаджик и запрыгал на месте, боксируя воздух.

– Че тухлые такие? – прыгал Хаджик

– Идем, 5 сек побазарим – сказал Арип, вытирая заросший подбородок и выходя из комнаты вместе с дурачащимся братом.

– Иди там быстро поешь, Хажи, потом Далгата отвезешь – крикнула им вслед тетя Наида. Потом спросила Далгата с улыбкой: – Ты Магомеда сына свадьбу видел?

– Нет – ответил Далгат сонным голосом.

– Я тебе сейчас чуть-чуть покажу – сказала тетя Наида, всовывая очутившуюся в руках кассету в видеомагнитофон.

На экране заплясали какие-то знакомые фигуры. Взрослые и молодые. Тетя Наида нажала на стопкадр и обернулась к Далгату.

– Что? – спросил Далгат.

– Это Мадина, твоего дяди Абдулы дочка, на медицинском учится. Нравится?

На экране, подняв руки кверху, застыла девушка, гладко причесанная, в открытом вечернем платье.

– Оставьте да, тетя Наида – занервничал Далгат – не нравится.

– Что не нравится? Посмотри, какая красивая, и дома все умеет...

Далгат встал с дивана и направился к выходу.

– Подумай – слышалось за спиной – свой дом строят, скоро достроят, участок в горах есть.

В прихожей Хаджик уже надевал начищенные лакские туфли.

– Трубку посеял. Когда дрались, наверное – сказал Далгат.

¹⁰ Убери (авар).

¹¹ Форма отклика на зов вроде «что?» (авар).

– Не паникуй, я сегодня разберусь с ними – ответил Хаджик – я их опрокину.

– *Нух битаги*¹², Далгат, сегодня свадьба у Залбега, может, там увидимся – говорила тетя Наида.

Арип на прощанье крепко пожал руку и сказал:

– Вещи делай, вещи! Подумай о Всевышнем. Вот держи Фарз айн.

Арип протянул Далгату тонкую книжечку с описанием молитвенной техники.

Далгат сунул ее в папку, пообещал почитать и пошел за Хаджиком.

Стало ветрено. Далгат смотрел, как за стеклом автомобиля летают по грязному городу картонки и целлофановые пакеты. Девушки, разодетые, как продажные женщины, придерживали юбки и волосы. Хаджик смотрел на них и хохотал:

– На них, на них смотри!

Несколько раз он вылезал из машины, чтобы поздороваться со знакомым джамаатом, толпящемся на тротуаре, или выписывающим круги на авто.

– Четкая тачка, правда? – хвастался Хаджик – я на ней за десять минут кого хочешь подцеплю. А ночью вообще атас, я с пацанами всю дрифтую. На скоростях по всем улицам.

– А что светофоры не работают? – спросил Далгат.

– Оставь да, какие светофоры, сейчас даже ментов на улицах нет.

– А где они?

– По домам сидят, снайперов боятся. Делай, что хочешь. Правда, у нас же это, бытовухи-криминала особо нету.

– Работает где-то? – спросил Далгат, следя, как дергается в такт движению болтающаяся у зеркальца арабская молитва.

– Сейчас нигде, пахан обещал в прокуратуру устроить, там у него друг есть... Знаешь сколько стоит в ДПС попасть, рядовым? – неожиданно спросил Хаджик.

– Нет.

– 250 штук. Хотя этих дпсников только так убивают.

Хаджик сделал какой-то финт, въехал на тротуар и остановился, чуть не задев маршрутку «двойка как троллейбус» с ругающимся маршруточником. Мимо них на полной скорости проехала десятка с гогочущими молодыми людьми. Все они, включая водителя, совершенно высунулись из окон и держались за крышу автомобиля.

– Ай Саул, пацаны! – крикнул им Хаджик вдогонку.

Далгат распрощался с Хаджиком и, пройдя магазин серебряных украшений, зашел в библиотеку.

4

В маленьком зале, перед разогретой солнцем толпой журналистов, чиновников и пышно разодетых женщин, торжественно сидел президиум. Матроны в газовых платках, крупные скупающие мужчины. В центре – эффектная дама, сильно нарумяненная, с ярко подведенными глазами и глубоким декольте. По стенам – портреты русских классиков и отцов дагестанских литератур. За трибуной стоял невзрачный и потный мужчина в очках, как видно зачитывающий с листа какое-то официально обращение.

– Ваши стихи, Гюль-бике Акаевна, это гимн человеческому труду и упорству – с чувством читал мужчины – Сегодня они знамениты во всем Дагестане, известны в России и за рубежом. В них ярко отображены история родного края, его неповторимые красоты, великолепие заоблачных гор, равнин, седого Каспия, аулов, сел, городов, населяющих их людей. У Вас, Гюль-Бике Акаевна, большое и горячее сердце, через которое проходят все радости и боли родной земли. Вы пишете о трудной судьбе женщины степи и гор, мужестве самоотверженных сынов

¹² Счастливого пути (авар.)

Дагестана. Ваши стихи нравственно воспитывают молодежь и являются жизненным маяком для подрастающего поколения. Поздравляю Вас с выходом пятнадцатой книги. Пусть растут и крепнут Ваши творческие успехи и достижения! Спасибо!

Раздались шквалистые аплодисменты. Расчувствовавшаяся Гюль-Бике привстала и, вся сияя, дважды поклонилась, сначала в сторону трибуны, потом – залу. Выступавший мужчина, также светясь от счастья, бережно сложил официальное обращение, снял очки и откашлялся.

– Вы меня извините, пару слов от себя скажу тоже. Я давно влюблен в поэзию виновницы нашего торжества. В ее стихах ярко встает образ кыпчакской женщины, наездницы, повелительницы тюркских степей. Гюль-бике – женщина Великой Степи. Она уже легенда при жизни. Ее поэзия глубока, как Каспийское море и высока, как наши Кавказские горы. Расул Гамзатов, когда читал стихи Гюль-бике, говорил: «Вот поистине народная поэзия». И я каждый раз потрясаюсь, когда читаю ее стихи о любви, о душе, о природе, о народе. И еще Гюль-Бике, тут я теряюсь прямо, что сказать. Она очень великолепная женщина. Она прямо, как душистый цветок на склоне Тарки-тау. И сейчас я держу ее новый сборник «Избранное», и с благодарностью читаю дарственную надпись «Дорогому Калсыну, дорогому брату, дарю ноты моего сердца. Твоя Гюль-Бике». Я, милая Гюль-Бике, тоже пришел к тебе со стихами. Надеюсь, они хоть чуть-чуть сравнятся с твоей красотой.

Гюль-Бике разомкнула ярко-красные губы и чуть подалась вперед. Раздались сдержанные аплодисменты.

*– Республиканской библиотеки, тихо двери распахнув,
Я пришел к тебе на вечер, дорогая Гюль-Бике,
Что могу тебе сегодня, как джигит я, предложить?
Только звук кумыкских песен, дорогая Гюль-Бике!
Наши предки величавы, ты такая, как они!
Книги Пушкина читаешь, пишешь даже лучшие ты!
Любоваясь, я склоняюсь перед милой Гюль-Бике,
Твоя книга заблестала, как алмазы при луне!*

– читал невзрачный мужчина.

– А теперь – сказал он после продолжительных аплодисментов публики – я думаю, надо пригласить сюда Юлю Исаеву, которая перевела стихи Гюль-Бике на могучий русский язык.

Последние слова мужчина громко выкрикнул в зал, сорвав еще несколько хлопков. Вышла низенькая девушка с длинными запутанными волосами.

– Стихи нашей прекрасной поэтессы переведены на многие языки мира – говорила девушка, сильно волнуясь. – Я постаралась сохранить в переводах ту великую силу чувств, которая Гюль-Бике присуща.

*– Прибой... шум моря так меня волнует,
И ветер на меня холодный дует,
Равнина тюркская, как женщина лежит,
И солнце уж ушло в зенит...*

Пока читали стихи, Далгат искал глазами Халилбека. В первом ряду он заметил седой и плоский затылок, наверняка принадлежащий дяде. Задержав на нем взгляд, Далгат принялся рассматривать других мужчин. Они практически все были в возрасте и казались утомленными даже со спины. Кто-то зевал, кто-то вытирал шею салфеткой, кто-то рылся в кармане рубашки или украдкой шептался с соседом. Фигуры в президиуме, приученные к длинным заседаниям, напротив, застыли, как монументы. Далгат увидел, что переводчица, сильно тушуясь и гор-

бась идет на место, а за трибуной уже стоит известная народная поэтесса Патимат, которую невзрачный мужчина успел назвать мужественной горянкой, бросающей платок мира между разгоряченными мужчинами.

– Она идет по жизни, как по разбитому стеклу босиком, раня в кровь ноги. – восклицал он, теребя очки— и сегодня она хочет сказать небольшое напутствие нашей дорогой Гюль-Бике, которой мы желаем прославиться на всю страну так же, как Патимат.

Патимат была в летах и пестро разодета. Волосы, собранные в виде высокой башни, украшались большой коралловой заколкой, а пальцы – кубачинскими перстнями. В ушах висели тяжелые серебряные серьги с крупными камнями. Наброшенная поверх ярко-алого свободного платья, схваченного старинным поясом, волочилась по полу длинная зеленая шаль.

– Когда я была маленькая – начала поэтесса скрипучим голосом, разведя руки в стороны – я шла с кувшином к роднику, чтобы принести домой воды. Из-за царственных острых гор вставало солнце, и луч солнца отразился в серебре моего начищенного мелом кувшина. И я сказала: «Да, я буду поэтом». Так, во мне до сих пор живет та девочка с длинными косами, готовая вскарабкаться на вершину Акаро, чтобы увидеть восход солнца и радугу, сотканную из частиц рассеивающегося утреннего тумана.

Далгат ерзал на стуле, смотрел на седой затылок Халилбека и ждал, когда сможет подойти поближе и выманить его в коридор. Но тут Халилбек обернулся к Далгату, и оказался вовсе не Халилбеком, а работником какой-то из коммунальных служб, часто виденным по местному телевидению. Почувствовав досаду, Далгат снова оглянулся кругом и увидел рядом с собой худощавого черноусого мужчину с буханкой белого хлеба под мышкой. Буханка под мышкой так удивила Далгата, что некоторое время он молча просидел, разглядывая паркетный пол, а потом обратился к черноусому с вопросом:

– Извините, Халилбек здесь, не знаете?

– Ушел – отвечал мужчина. – и я пойду уже, часа три сидим, скучно здесь.

– Точно ушел? А куда? – переспросил Далгат.

– Он речь сказал, а потом убежал, на свадьбу спешил. Сюда, в «Халал» у моря.

Далгат вспомнил, что тетя Наида что-то говорила про свадьбу Залбега. Вокруг громко и упорно захлопали, отчасти перекрывая скрипучий голос. По-видимому, речь народной поэтессы затягивалась или шла по неправильному руслу.

– Когда меня обступало лицемерие – надрывно говорила поэтесса, – я бежала в родной аул и прижималась щекой к его вековым камням. Сила духа предков передавалась мне через эти камни, и я думала: даже превратившись в камень, можно сохранять теплоту души... Я...

Аплодисменты возобновились. Откуда-то, с букетом роз выбежал заметно нервничавший ведущий презентации. Он преподнес Патимат цветы и, выждав несколько минут радостных оваций, увел поэтессу вон. Гюль-Бике продолжала торжественно улыбаться.

Внимательно оглядев зал и еще раз убедившись, что Халилбека нет, Далгат начал выкарабкиваться наружу. Тем временем к столу президиума, держа в полных руках микрофон, вышла кокетливая полнозаяда дама в блестках.

– Вай, я так волнуюсь, потому что мне предстоит спеть песню на стихи самой Гюль-Бике – пояснила женщина звучным голосом.

Гюль-Бике снова подалась вперед и сплела, усеянные золотом, пальцы.

Но Далгат уже выходил на улицу. Вслед за ним вышел худой мужчина с буханкой под мышкой и пожал ему руку, представляясь:

– Яраги.

– Далгат.

– Какой молодой человек и на вечер пришел – сказал Яраги – а я вот не хотел идти. Я уже плюнул на них. Почему говорю, в лезгинскую секцию захожу, приношу стихи, говорю, так и так, дайте в издательство. Не дают. Почему говорю, этой Сивли Ярахмедовой пятый сборник

выходит. Мне говорят, ама-а-ан, она же в министерстве сидит! А ты не сидишь. Клянусь, так говорят.

Они шагали прямо по краю проезжей части, потому что узкий тротуар уже года три, как был перерыт и завален досками. Из распахнутых дверей лавок неслась музыка и голоса. На деревянных стульчиках сидели менялы и зазывали: «доллары берем, доллары берем». Кое-где, пяточки перед частными магазинчиками были выложены цветной плиткой, на которой зимой скользили каблуки красавиц. Вспотевший Яраги вынул из кармана штанов тонкую книжку в мягкой обложке, на которой изображались горы и пирамидка какого-то селения.

– Вот, в Москве только смог издать, мне родственник помог. Почему говорю, здесь не печатают. Это не стихи у меня, здесь просто размышления о родине – пояснял Яраги, протягивая книжку Далгату.

Далгат взял книгу, пролистал и положил ее в кожаную папку, рядом с посланием для Халилбека.

– Я тогда в «Халал» пойду – сказал Далгат – мне Халилбек нужен. За книгу спасибо, обязательно прочту.

– Спасибо, дорогой! – растрогался Яраги – там мой номер записан, ты мне позвони. Приедешь ко мне в Мамедкалу, у меня там виноград растет, жена долма сделает.

– Как-нибудь – обещал Далгат.

5

Он старался идти по тени, но тени почти не было. Тяжелые наряженные женщины, откуда-то скопившиеся на дороге, закрывали путь и мешали ему идти. Обогнав их, он нырнул за угол, где стояла толпа мужчин среднего возраста и плотная, широкая в обхват бабья фигура в шелковом платке, упершая руки в бока. Шел привычный и полутайный торг о цене. Один из мужчин, конфузливо ухмыльнулся зазевавшимся прохожим девочкам: «Уходите, девушки, вам нельзя здесь». Далгата, кольнуло, когда он увидел эту толпу и место, где сам однажды точно так же стоял и торговался, чтобы потом провести два часа с бесстыдной скуластой женщиной.

На длинном заборе, за которым тянулось многолетнее и мучительное строительство спорткомплекса, кто-то написал углем без знаков препинания: «Сестра побойся аллаха – одень хиджаб». Чуть дальше – «Дагестан, защити религию Аллагу словом и делом! Внуки Шамиля» и наконец – «Смерть врагам ислама аллагу Акбар». Между ними радужно лепились афиши концертов и рекламы салонов красоты.

Около большого перекрестка, где обычно слонялись со своими автоматами бездельные рядовые милиции, грызя семечки и приставая к медленно прогуливающимся модницам, было оглушительно шумно. Из джипа, надрывающегося от рева местной эстрадной музыки, торчали чьи-то босые ноги и прищелкивающие пальцами руки. По обочинам дремали толстые и худые бабушки с мешками жареных семечек, а из внутренних, завешанных бельем дворов, доносились разноголосые крики.

Дома так и норовили съесть тротуар вместе с наваленными кучками мусора. Кто обнес себе двор забором прямо по проезжей части, кто проглотил трансформаторную будку и дерево, кто на маленькой пяди земли возвел себе длинную, в шесть этажей башню. Забыв, что растут на плоскости, дома по горской привычке лепились друг к другу. Квартирные многоэтажки со всех сторон обрастали огромными пристройками и застекленными лоджиями, а частные саманные хаты упрямо и нудно обносились высокой стеной из модного желтого кирпича.

Далгат свернул в сторону мелких улочек и еврейских кварталов, кучкующихся вокруг порта и холмика Анжи-акра с маленьким маяком на вершине. Он уже слышал звуки лезгинки и видел «Халал» с открытой мансардой и мелькающими белыми фигурами. Во дворе у банкетного зала стояло двадцать или тридцать украшенных лентами автомобилей, возле которых носились тучи детей Невесту, видимо, привезли недавно, потому что, поднявшись по лестнице,

Далгат сразу же увидел потного зурнача и барабанщика, которых кто-то поил минералкой. Зал был накрыт на три тысячи человек и полон людьми, большей частью знакомыми или где-то виденными. К Далгату сразу подлетел веселый родственник с брюшком и стал обниматься:

– Салам алайкум, Далгат! Ле, Исрапил, это Ахмеда, *мунахIал чураяв*¹³, сын, помнишь. Как на отца похож, ва! – восклицал человек с брюшком, радостно представляя Далгата окружающим мужчинам. Те, в основном, узнавали Далгата и звонко хлопали ладонями в познати. Обойдя довольно много людей, Далгат оказался в плену двух каких-то женщин в фартуках, с масляными руками. Женщины что-то спрашивали про его мать, и Далгат отвечал им, что мама сейчас в Кизляре. Его подвели к старухам в длинных светлых платках, сидящим в ряд за щедро накрытыми столами. Начались объятия и поцелуи. Далгат давал старухам чмокать себя в руку и отвечал невпопад, потому что ни вопросов, ни ответов не было слышно из-за громкой музыки.

Освободившись, он вспомнил, что ему надо бы внести свою лепту. Недалеко от входа находился столик, за которым сидели две тети с калькулятором и тетрадями, куда записывалось, кто и сколько дал денег. Далгат подошел, поздоровался, кое-как пересиливая музыку, и отдал почти все, что нашлось в кармане.

– Далгат, салам, идем, что здесь стоишь, пошли резко! – крикнул ему в ухо, откуда-то возникший молодой родственник, вихрастый и беспокойный, увлекая, мимо бесчисленных столов в центр событий.

Перед столом молодых, за которым висел красный ковер с выведенными ватой именами «Камал и Амина», шла бурная пляска. В центре тесного круга, медленно и неповоротливо крутилась невеста в пышных юбках, дерзком декольте и опущенным в смущении, сильно накрашенным лицом. Вокруг невесты, оттеснив жениха, козлами скакали его друзья. Один лихо взлетал, горделиво поводя плечами, другой, сменяя его, вертелся на месте, третий, в свою очередь выхватывал у второго белую, в шифоновых кружевах палку, выкаблучивал ногами и выделял вокруг невесты пасы руками, то неожиданно и быстро смыкая их вокруг ее талии, то воздевая над ее сложной прической и посыпая дождем из смятых купюр. Под зажигательную музыку хотелось плясать, но Далгат зарылся в толпу гостей и только хлопал. Девушки были особенно ухожены и наряжены, все сверкали какими-то украшениями и стразами.

Невеста продолжала лениво переступать ногами, обмахиваясь веером и придерживая кринолиновые юбки. Пока раззадоренные юноши без устали состязались в танцевальных прыжках и кульбитах, издавая громкое «Арс» и прочие молодецкие крики, худая женщина сосредоточенно ловила бумажные деньги, падавшие невесте на голову, под ноги и в складки платья. Расфуфыренная эстафетная палочка мелькала то в одних, то в других руках. Спустя пару минут невеста, видимо, устала крутиться, и вместе с подругами, оправлявшими ей наряд, все так же медленно и осторожно, начала пробираться к месту. Далгат увидел улыбчивого жениха, рыжего и высокого, идущего следом, и вспомнил, как в детстве, в старом селении, они сами были на чьей-то свадьбе. Тогда все сельчане усеяли плоские крыши домов, а на улице, на стол молодых посадили пестро украшенную козлиную голову. Носили тяжелые подносы с хинкалом и вареным мясом. Какой-то ряженный мужчина семь дней разливал вино, а гости семь дней танцевали под зурну и барабаны.

Пока Далгат воспоминал, круг раздался и разлетелся на отдельные танцующие пары. Какая-то девушка тронула его за локоть и поднесла скрученную салфетку, как знак приглашения. Далгат попятился и хотел отказать, но, засмущавшись, все-таки принял салфетку и воздел кулаки. Пройдя три круга вместе с плавно семенящей девушкой, Далгат почувствовал неловкость за свои скудные и неумелые движения и остановился, слегка склонив голову и похло-

¹³ Царство ему небесное (букв. Да смоятся его грехи. авар.).

пав партнерше в знак окончания танца. Девушка взглянула игриво и удивленно, и пошла прочь, а Далгат быстро смял салфетку и сунул ее в карман. Приглашать никого не хотелось.

Он оглядел многолюдный зал и подумал, что Халилбек мог легко здесь затеряться.

– Салам, Халилбека не видели? – спросил он у проходящего сухого человека в фетровой шляпе.

Сухой человек с интересом посмотрел на Далгата и спросил:

– *Мун лъиль вас*¹⁴?

– *Мусал АхИмал вас*¹⁵ – ответил Далгат.

Сухой человек оживился и повлек его за собой.

– С нами садись – кричал он сквозь грохот лезгинки.

Сели. На столе стояли блюда с голубцами, картофелем, горячими, посыпанными толченым чуду, зелень и закуски. Несколько человек пили водку. Налили и Далгату.

– Вот скажи, земляк – сказал один из сидящих, грузный и печальный, – сколько это будет продолжаться?

Он неопределенно взмахнул рукой в сторону.

– Что? – спросил Далгат, подавшись к его уху.

– Этот *хИанур-чанур*¹⁶.

Музыка оборвалась и в возникшей тишине слова человека прозвучали громко, как выкрик. Далгат ничего не ответил, и молча наложил себе в тарелку каких-то баклажанов и чуду. В здоровенных динамиках у стены послышалось шуршание, а затем захрипел путающийся, с акцентом, голос.

– Сейчас, дорогие друзья, родственники, гости, слово я предоставлю очень хорошему, очень почетному человеку, который все делает для родных, много достиг в жизни и, короче, помогает им во всем. И в этот день, когда соединятся сердца наших дорогих Камала и Амины, он скажет им напутствие. Слушай сюда, Камал! Потом поговорить успеешь. Тебе сейчас уважаемый Айдемир расскажет, как тебе поступать в будущей семейной жизни. Айдемир, вот скажи мне...

– Ле, земляк, не знаешь, что сказать, да? – спросил грузный мужчина Далгату, не слушая косноязычного тамаду.

– Не знаю – отвечал Далгат, подцепляя масляное чуду.

– Бардак же кругом, кругом бардак – качал головой мужчина.

Из динамиков уже несся голос Айдемира.

– Сегодня соединяются сердца представителей двух народов, двух великих народов Дагестана – вдохновенно и с пафосом говорил голос – аварского и лакского. Мы очень рады, что наш Камал, которого я еще помню вооот в таком возрасте, теперь такой джигит, орел, и что он женится на самой красивой девушке Амине из знаменитого аула Цовкра. Весь мир знает канатаходцев из аула Цовкра и я желаю Камалу, чтобы со своей женой ему было легче, чем канатаходцу на канате. Давайте выпьем за эту новую семью! Пожелаем, чтобы у Камала и Амины родилось десять детей! И все радовали своих родителей.

Айдемир, видимо, поднял бокал, так что все мужчины встали. Далгат тоже поднялся и пригубил для виду. Когда снова уселись, грузный мужчина опять обратился к Далгату.

– Вот лакцы – хорошие они, а даргинцы они шайтаны, купи-продай.

– Почему это? – спросил Далгат.

– Как это, почему? Все знают это! Торговцы они – с чувством сказал ему собеседник. – Выпьем давай.

¹⁴ Ты чей сын? (авар)

¹⁵ Сын Ахмеда, сына Муссы (авар)

¹⁶ Чепуха (авар)

– Э, ты на даргинцев тоже много не капай, Сайпудин – сказал ему сухой, в шляпе – наши тоже очень много бизнес делают. Вот, Ахмеда сын скажет.

Но Сайпудин молча проглотил водку и снова обратился к Далгату.

– Я, вот этими руками всю жизнь что-то делаю – пожаловался Сайпудин – и все просто так уходит. Туда отдай, сюда отдай, в школе учителю отдай, в вузе за сессию отдай. Дом же есть, никак не построю, двадцать лет строю, теперь сына на работу устраивать надо деньги собирать. Жене говорю, цепочку продавай. Жениться будет, как свадьбу ему сделаем? Красть придется.

– Что красть? – спросил Далгат.

– Невесту, да! – воскликнул Сайпудин – тогда банкет собирать не надо, просто *магьар*¹⁷ сделаем и все.

– Нет, плохо жену красть, это чеченцы крадут, а мы не крадем, нет – вмешался седой мужчина, сидевший напротив. Далгат обратил внимание, что у него на голове, несмотря на жару, висится каракулевая шапка.

– Вах, Далгат, ты что здесь сидишь, танцевать идем – к Далгату нагнулся троюродный брат, белозубый, с умными глазами.

– Привет, Малик – обрадовался Далгат, поспешно вставая с места – иду.

– Стой – сказал Сайпудин, неловко вскакивая со стула и чуть покачиваясь – я твоего отца знал.

Сайпудин навалился на Далгата всем телом, обнимая и хлопая его по тщедушной спине.

– Вот это держи – сказал он, доставая из кармана мятую купюру и всучивая ее Далгату – мне Аллах много денег не дал, но я всем даю.

Далгат осторожно отстранил от себя Сайпудина вместе с его купюрой.

– Спасибо, у меня есть, сыну отдайте – сказал он, оглядываясь на Малика.

– Обижаешь! – воскликнул Сайпудин и под шумно-одобрительные комментарии сотоварищей вложил Далгату купюру в карман джинсов.

Далгат опешил и попытался вернуть деньги, но Малик взял его в охапку и повел к молодежи:

– Оставь да их, сейчас жениха похищать будем – смеялся Малик.

Из-за длинного стола на них с любопытством смотрели девушки.

– Это что, Далгат что ли Мусаевский? – говорила Залина протяжным голосом.

¹⁷ Мусульманский брачный обряд (авар.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.